

ПАПА ФРАНЦИСК: ВЫЗОВ, БРОШЕННЫЙ КРАСОТОЙ

Интервью Хулиана Каррона с Микеле Брамбиллой. *La Stampa*, 12 мая 2014 г. С. 26–27.

Они говорят на одном языке – испанец из Эстремадуры и аргентинец. Сегодня на Книжном салоне отец Хулиан Каррон, 64-летний преемник отца Луиджи Джуссани, возглавляющий «Общение и освобождение», представит издание «Красота воспитает мир» (*La bellezza educerà il mondo*. Emi. € 5,90), сборник выступлений Хорхе Марио Бергольо в бытность его архиепископом Буэнос-Айреса. Это возможность посмотреть, чего достигла Церковь, спустя год после конклава, ставшего, кажется, революционным. «Первая вещь, – сказал мне Каррон во время нашей встречи в миланской штаб-квартире Движения, – значительность факта, который всех нас поразил. Он говорит точно как Франциск: сначала ставит слова «все», или «только», или «всегда», а потом – глагол. Мы сидим за столиком, за его спиной – портрет отца Джуссани, «Джуса» – как его до сих пор называют последователи. Ну а Каррон, который, несмотря на превосходный итальянский, не может расстаться с кастильским акцентом, зовет его «Юссани». Он приятный человек, все время улыбается.

Отец Каррон, каковы первые результаты, если можно так выразиться, понтификата Папы Бергольо?

В короткий срок Франциску, благодаря его действиям, удалось заявить о себе как о свидетеле, обезоруженном силой веры.

Почему же обезоруженном?

Потому что он полагается исключительно на силу свидетельства – не на политику или гегемонию. Франциск верит, что свидетельство несет в себе силу, которую в состоянии понять каждый. Он умеет запросто вступать в диалог с сердцем любого человека.

А люди считают его искренним?

По-моему, это очевидно – да, они считают его искренним. Люди поняли: действия Папы не игра на публику, в них сделан упор на истину. Человеческое сердце способно ее улавливать. И поэтому стало сразу же ясно, что Франциск не лицедействует – он говорит правду. Такое не сыграешь!

Вы были с ним знакомы до его избрания Папой?

Нет, мы никогда раньше не пересекались. Знаю, что в Аргентине он представлял некоторые книги Джуссани. Но я ощущаю особое с ним соответствие, несомненную гармонию. Прежде всего, благодаря тому, как настоятельно Папа указывал в эти месяцы на центральное место Христа. Благодаря тому, как сильно он желает, чтобы Христово возвешение достигло каждого человека. И кроме того, Франциск подчеркивает важность «окраин бытия», как он их называет. Мы родились, скажем так, в «нормальных» условиях, в повседневности, где на карту поставлена жизнь. И нам хочется видеть, что вера в состоянии войти в реальность всех вещей и в полноте явить свою преображающую силу.

Вам кажется, что и Папа настаивает на той же самой «центральности» Христа?

Ну конечно! Настаивая на возвешении Христа как на самом главном, он указывает Церкви метод. В настоящий момент Святейший Отец полагает крайне важным, чтобы объятие Христа могло достичь каждого человека.

Попробую перевести этот ответ на «ваш» язык. Вы говорите: подобно Джуссани, Бергольо провозглашает христианство не как мораль, а как факт.

Совершенно верно. Из множества отправных точек он выбрал ту, которая, на мой взгляд, играет решающую роль. Возвешение христианства как факта, свершившегося и продолжающегося происходить, всегда было присуще Движению. Но внимание: я не говорю, что этот Папа следует за «Общением и освобождением». Напротив, мы слышим во

Франциске мощный призыв к обращению, к тому, чтобы все больше жить Христом как сутью вещей.

Правда ли, что Франциск нравится многим неверующим?

Да, и этот новый факт свидетельствует о том, как люди в настоящий исторический момент нуждаются в личности, возрождающей в них надежду.

А вот критически настроенные католики утверждают, что он нравится миру, поскольку подстраивается под него.

Мне так совершенно не кажется.

По словам некоторых людей, Франциск умалил масштаб фигуры понтифика, ведь он не дистанцируется от народа.

А Иисус держался на расстоянии или шел в гуще толпы? Если существует близкий Бог, так это Бог воплотившийся. Он стал человеком, чтобы быть подобным нам и находиться среди нас.

Есть и другие поводы для критики: мол, он изображает из себя бедняка, чтобы заслужить рукоплескания прогрессивного мира.

Франциск делает жесты, отсылающие к бедности и ломающие общепринятые представления. Но это не какая-то особая позиция – он так устроен. Его жизнь всегда проходила среди народа, на окраинах.

Церковь нуждается в наведении порядка?

Я не знаю, как в действительности обстоят дела. Но существует желание изменения, которое позволило бы столь грандиозной структуре, как Церковь, служить евангелизации, – это факт. Кроме того, Церковь по определению является *semper reformanda* (всегда реформирующейся. – Прим. перев.).

Не думаете ли вы, что мы, журналисты, опрощаем Папу Франциска?

Риск преуменьшить масштаб той или иной личности подстерегает нас всегда. Но, мне кажется, мы содействуем гораздо более важному факту, какой не смогла бы породить ни одна журналистская стратегия.

Отец Каррон, всего две недели назад в Риме два Папы прославили в лике святых двух других Пап, и этот момент казался настоящим триумфом. Но, тем не менее, многие католики замечают, что триумф словно прикрывает посредственность, усталость, присущие повседневной жизни Церкви.

Да, и посредственность, и усталость могут иметь место. Но сегодняшняя ситуация не является менее благоприятной для того, чтобы нести христианскую весть «раненому», как выразился Франциск, человечеству. Все будет зависеть от того, примем ли мы дар Христа, явленный нам в этом Папе, станем ли следовать за ним и предлагать надежду многим людям, ожидающим света во тьме.

И последний вопрос. Вы когда-нибудь думали, что окажетесь в Церкви, где есть два Папы?

Бессмысленно отрицать: отречение Бенедикта XVI было шоком. Но совместное существование двух понтификов, которое, как казалось, могло стать опасным, открылось свидетельством общения, удивившим, поразившим всех нас. И не только в силу сдержанности Бенедикта XVI, но и благодаря тому, как Франциск побудил его к участию в жизни Церкви. Результат свидетельствует о великой свободе, и он всегда будет перед нашими глазами.